

НИКИТА ЗАБОЛОЦКИЙ

О ЗАМЫСЛЕ Н. А. ЗАБОЛОЦКОГО СОЗДАТЬ ПЕРЕЛОЖЕНИЕ РУССКИХ БЫЛИН

В начале 50-х годов Н. А. Заболоцкий задумал создать поэтическое переложение русских былин. К этой сложной работе он был подготовлен всем своим незаурядным опытом поэта-переводчика иноязычной поэзии и особенно изучением и переложением на современный русский язык «Слова о полку Игореве». Работая над переложением этого величайшего произведения древней русской литературы, Заболоцкий не раз обращался к былинному творчеству, считая, что и «Слово» и былины объединяются сходством ритмической организации словесного материала. В результате изучения ритмической структуры «Слова» он пришел к выводу о правомерности его перевода на современный русский язык как стихотворного произведения. Заболоцкий считал, что и былины должны быть переданы средствами современной поэзии, чтобы стать доступными массовому читателю, воспитывать в нем дух патриотизма. «Создание народа — русские былины — должны быть возвращены народу в художественно целостном виде. Это — одна из задач советской литературы и науки о народном творчестве», — писал поэт в своей заявке на издание обработки русских былин в Детгизе.

Н. А. Заболоцкий выполнил только подготовительную часть задуманного труда по переложению былин, однако сам факт его обращения к былинному творчеству и его подход к переработке русского эпоса представляют определенный интерес как с точки зрения творческой биографии поэта, так и для тех, кто предпринял бы попытку проделать подобную работу.

О восприятии Заболоцким былин нельзя судить, не вспомнив некоторые черты его биографии и поэтического творчества. Именно в этом свете становится понятным, отчего былины оказались столь близкими его душевному складу и хорошо укла-

дывались в ту совокупность явлений, которая определяла творческий облик поэта.

Н. А. Заболоцкий провел раннее детство в глухом вятском селе Сернур. В автобиографическом очерке «Ранние годы» он рассказывает о предках своих — крестьянах, о деду Агафоне, возглавившем во время Крымской кампании местное народное ополчение, об отце — агрономе, которому «были свойственны многие черты старозаветной патриархальности, которые каким-то странным образом уживались в нем с его наукой и с его борьбой против земледельческой косности крестьянства»;¹ вспоминает он и о чудесной природе окрестностей Сернура, навсегда оставившей след в душе поэта и отразившейся во многих его стихотворениях.

Отец поэта по роду своей агрономической деятельности постоянно общался с крестьянами. Образы крестьян, навеянные детскими впечатлениями, проходят сквозь все творчество Заболоцкого. Это созерцающие природу мужички в стихотворении «Отдыхающие крестьяне», размышляющие о душе — в поэме «Торжество земледелия», мечтающие о лучшей жизни — в стихотворении «Голубиная книга», умирающие вдаль от родных мест — «Где-то в поле возле Магадана...» и, наконец, беседующие с Лениным о будущем России — в стихотворении «Ходоки». Строки из «Отдыхающих крестьян» воссоздают типичную картину, не раз наблюдавшуюся будущим поэтом в Вятском крае:

Толпа высоких мужиков
Сидела важно на бревне.
Обычай жизни был таков,
Досуги, милые вдвойне.
Царя ли свергнут, или разом
Скотину волк на поле съест,
Они сидят, гуторя басом,
Про то да се узнав окрест.

(1, 123)

В минуты отдыха крестьяне не только размышляли о своих житейских делах, но и рассказывали различные истории, предания, сказки, старинные поверья. А мальчик слушал их и через много лет написал:

В младенчестве я слышал много раз
Полузабытый прадедов рассказ
О книге сокровенной... За рекою
Кровавый луч зари, бывало, чуть горит,
Уж спать пора, уж белой пеленою
С реки ползет туман и сердце леденит...
О тихий час, начало летней ночи!
Деревня в сумерках. И возле темных хат

---

¹ *Заболоцкий Н.* Избранные произведения в двух томах. М., 1972, т. 2, с. 208. Далее ссылки на это издание даются в тексте, первая цифра означает том, вторая — страницу.

Седые пахари, полузакрывши очи,
На бревнах еле слышно говорят.

... Как сказка — мир. Сказания народа,
Их мудрость темная, но милая вдвойне,
Как эта древняя могучая природа,
С младенчества запали в душу мне...

(1, 200—201)

Народные сказания переплетались с семейными преданиями о почти былинном деде Агафоне, отправившемся во главе народной дружины спасать осажденный Севастополь, и создавали в душе будущего поэта благодатную почву для проявившегося позднее интереса к русской истории и народному творчеству.

В связи с интересом Заболоцкого к народному творчеству нельзя не вспомнить, как однажды весной 1946 г. он встретил на подмосковной станции Переделкино слепого старца, поющего «Лазаря». Поэта глубоко тронул его монотонный напев, и он даже пытался записать слова песнопения. Образ старика-сказителя, навеянный той встречей или, возможно, несколькими встречами, запечатлен в стихотворении «Слепой»:

С опрокинутым в небо лицом,
С головой непокрытой,
Он торчит у ворот,
Этот проклятый богом старик.
Целый день он поет,
И напев его грустно-сердитый,
Ударяя в сердца,
Поражает прохожих па миг.

(1, 207)

После окончания начальной школы в Сернуре Заболоцкий поступил в реальное училище в городе Уржуме. «Мой мир раздвинулся до громадных пределов, ибо крохотный Уржум представлялся моему взору колоссальным городом, полным всяких чудес», — (2, 210). Классным руководителем в классе, где учился Заболоцкий, был пользовавшийся большим авторитетом у учеников преподаватель истории. Свой предмет он преподавал не по учебнику и требовал хорошего понимания даваемых им формулировок, трактующих историю с материалистических позиций. История наряду с химией и рисованием стала любимым предметом Заболоцкого. Еще в начальной школе пришло к нему и увлечение поэзией.

Любовь к истории и литературе привела будущего поэта на историко-филологический факультет Московского университета, учебу на котором Заболоцкий пытался совместить с учением на медицинском факультете. Однако Московский университет скоро пришлось оставить, и высшее образование Заболоцкий получил в 1921—1925 гг. в Ленинграде на отделении языка и литературы Педагогического института им. А. И. Герцена, где он, в частности, активно участвовал в семинаре профессора Бубриха по

древнерусской литературе. Сам поэт писал, что он «считался способным студентом и одно время даже думал посвятить себя всецело науке. Но привязанность к поэзии оказалась сильнее, и мечты о научной работе были оставлены».²

И своими изначальными интересами, и образованием, и присущей ему самодисциплиной, и склонностью к системе и законченности во всяком деле Заболоцкий был подготовлен к той работе над былинами, к которой приступил уже в последний период своей жизни. В заявке на издание былин он писал: «Мне кажется, работу над былинами должен выполнить художник слова, поэт, имеющий достаточную научную подготовку и хорошо знающий язык своего народа». Не в характере поэта было относить эти качества к себе самому без достаточных на то оснований.

Что касается научной подготовки, то после детального изучения материалов, относящихся к «Слову о полку Игореве», и затем основных изданий былин и литературы о них Заболоцкий чувствовал себя готовым к осуществлению своего замысла.

Освоением литературы о «Слове» Заболоцкий занялся в связи с работой над переводом «Слова» еще в Ленинграде до 1938 г. В его библиотеке были подобраны книги, посвященные «Слову» и, возможно, русской истории и древнерусской литературе. В письме к Е. В. Заболоцкой от 14 июня 1939 г. он написал: «Вообще мне хотелось бы, чтобы из моей библиотеки сохранились лишь немногие книги: Пушкина однотомник, Тютчева томик, Баратынского два тома, Гоголь, Сковорода, Лермонтов, Достоевский, Бунин, Хлебников; книги, относящиеся к „Слову о полку Игореве“ и Руставели. Есть также малоценные, но нужные мне книги, например Памятники отреченной литературы, библиотечка Чудинова (Нибелунги и пр.), и это, кажется, все».³

О том, что, приступая к переводу «Слова», Заболоцкий вел подготовительную работу довольно широким фронтом, охватывающим и древнерусскую историю, а возможно, и былины, говорит появление исторической темы в творчестве поэта тех лет. Заболоцкий начал писать поэму «Осада Козельска», посвященную осаде и разорению древнерусского города в 1238 г. во время нашествия Батыя. В письме к Е. В. Заболоцкой из Алтайского края от 11 января 1944 г. он написал: «О стихах „Осада Козельска“ — вещь незаконченная. Закончены только две первые части. Третья часть не написана вовсе. Сколько помню — кончается вторая часть скорбными строфами о защитниках города, павших во время осады. Сохранились ли эти черновики?» (2, 295).

Рукопись сохранилась, но автор по неизвестным причинам уничтожил ее в 1948 г. По свидетельству Е. В. Заболоцкой, в по-

² Заболоцкий Н. Избранное. М., 1960, с. 233.

³ Воспоминания о Заболоцком. М., 1977, с. 180.

эме «в картине поражения русских татарами описываются массовые изнасилования, зверства, убийства, осквернение храма».⁴ Предполагается, что сохранившийся стихотворный отрывок «Собор, как древний каземат...» является наброском к ненаписанной третьей части поэмы. В отрывке изображен собор, над медным куполом которого еще летят «войны седые облака», сверлящие своими «слепыми окнами» «даль непроглядную столетий». В алтаре — изваяние божьей матери с младенцем, в котором «мысль трех веков горит огнем». И далее:

Не слишком тонок был резец,
Когда, прикинувшийся греком,
Софию взяв за образец,
Стал бог славянским человеком.
Из окон видим мы вдали
Край очарованной долины.
Славян спокойных корабли
Стоят у берега. Овины
Вдали дымят, и крыши сел
Уже стругает новосел.

(2, 72)

Если эти строки действительно являются фрагментом «Осады Козельска», то поэма должна была охватить и возрождение русской земли после нашествия, а это несомненное созвучие с сюжетом «Слова о полку Игореве», под влиянием которого и была начата поэма.

В марте 1938 г. работа над переводом «Слова» и над поэмой «Осада Козельска» была прервана. Она возобновилась только в 1945 г., и уже в июне того же года в письме к Н. Л. Степанову Заболоцкий сообщил, что закончил черновую редакцию перевода. В этом письме есть вдохновенные строки восхищения «Словом», во многом объясняющие, почему поэт так дорожил не только «Словом о полку Игореве», но и всем, что было для него связано с этим памятником древнерусского искусства: «Сейчас, когда я вошел в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо. В пустыне веков, где камня на камне не осталось после войн, пожаров и лютого истребления, стоит этот одинокий ни на что не похожий собор нашей древней славы. Страшно жутко подходить к нему. Невольно хочется глазу найти в нем знакомые пропорции, золотые сечения наших привычных мировых памятников. Напрасен труд! Нет в нем этих сечений, все в нем полно особой нежной дикости, иной, не нашей мерой измерил его художник. И как трогательно осыпались углы, сидят на них вороны, волки рыщут, а оно стоит — это загадочное здание, не зная равных себе, и будет стоять вовеки, доколе будет жива культура русская.

⁴ Заболоцкая Е. В. Рукописные заметки. (Архив семьи поэта).

Есть в классической латыни литые, звенящие, как металл, строки, но что они в сравнении с этими страстными, невероятно образными благородными древнерусскими формулами, которые разом западают в душу и навсегда остаются в ней! Читаешь это слово и думаешь: какое счастье, боже мой, быть русским человеком!» (2, 297—298).

В июле 1945 г. в другом письме к Н. Л. Степанову Заболоцкий писал: «Я в курсе всех переводов, единственно, чего мне не хватает — некоторых книг по лингвистике вопроса. У меня несколько своих чтений, и я надеюсь проделать над текстом еще один опыт, от которого ожидаю возможных неожиданных вещей» (2, 299).

В начале 1946 г. Заболоцкий поселился под Москвой, а с 1948 г. и в самом городе и, таким образом, получил доступ к книгам, необходимым ему для дальнейшей работы над «Словом», и возможность консультироваться со специалистами и, следовательно, проделать тот «опыт», о котором упоминается в июльском письме 1945 г. Речь шла, вероятно, об изучении ритмической структуры поэмы. И именно в связи с ритмической структурой «Слова» Заболоцкий непосредственно обратился к былинам.

В бумагах поэта сохранилась вырезка из «Литературной газеты № 38 от 1947 г. с рецензией на составленное Н. В. Водозовым издание «Русский народный эпос» с пометкой Заболоцкого. Значит, уже в то время былины его интересовали самым непосредственным образом (Заболоцкий делал газетные вырезки и тем более сохранял их только в том случае, если они имели отношение к его работе или интересам).

В работе над переводом «Слова о полку Игореве» большое значение для Заболоцкого имела переписка со специалистом по древнерусской литературе, ныне академиком, Д. С. Лихачевым (см.: Вопросы литературы, 1969, № 1). В одном из писем Лихачев предложил поэту обратить внимание на ряд произведений древнерусской литературы, помимо «Слова». В сохранившемся письме названия этих произведений подчеркнуты рукою поэта и пронумерованы: 1) «Повесть о разорении Рязани Батыем», 2) «Задонщина», 3) «Слово о гибели Русской земли», 4) Летописная заметка с характеристикой Романа Галицкого, хана Отрака и с рассказом истории о траве евшан. 20 февраля 1950 г. Заболоцкий отвечал Лихачеву: «Что же касается других переводов с древнерусского, то из всего перечисленного Вами я прилично знаю только „Задонщину“, но ценю ее лишь как подсобный материал для изучения „Слова“. Впрочем, о возможных будущих работах, так же как и о „Слове“, я был бы рад побеседовать с Вами при встрече... У меня, как и у всякого дилетанта, интересующегося „Словом“, есть всякие касающиеся его домогательные теории, которые мы с Вами могли бы обсудить...» (2, 263).

В то время Заболоцкий занимался изучением материала, на основе которого в 1951 г. им была написана статья «К вопросу о ритмической структуре „Слова о полку Игореве“», в частности былин. У него уже сложилась определенная концепция, касающаяся ритмики «Слова». Ее поэт и хотел обсудить с Лихачевым. Весьма возможно, что когда он писал о своих «будущих работах», то имел в виду именно переработку былин и хотел в личной беседе с Лихачевым узнать его мнение о задуманном деле.

11 апреля 1951 г. на заседании комиссии по «Слову о полку Игореве» Заболоцкий сделал доклад «О ритмике „Слова“», в котором изложил свои представления о ритмической структуре произведения и ее близости к былинной. Доклад представлял собой сокращенный вариант статьи «К вопросу о ритмической структуре „Слова о полку Игореве“», которая при жизни автора не публиковалась.

Заболоцкий придерживался той точки зрения, что «Слово», как и былины, сочинялось как музыкально-вокальное произведение. Принципы организации словесного материала в «Слове» и в былинах характерны для произведений, которые поются под аккомпанемент гуслей или какого-либо другого музыкального инструмента.

Заболоцкий обращается к историкам древнерусской музыки, установившим факт открытого звучания полугласных в XII в., а также к наблюдению А. Ф. Гильфердинга о том, что стихотворный размер былин поддерживается напевом; былина, оторванная от живого музыкального исполнения, теряет размер и выглядит «рубленой прозой». «Мелодия, — пишет Заболоцкий, — выравнивала строки во времени — она выполняла ту функцию, которую в современной поэзии выполняет стихотворный размер <...> Текст „Слова“ в том виде, в каком мы его читаем теперь, — не более как „пословесная“ запись древнего музыкально-вокального произведения» (2, 279—280). Доказывая это положение, Заболоцкий анализирует черты сходства и различия былин и «Слова о полку Игореве» и приходит к выводу, что «элементы сходства заключаются не только в близости речевых оборотов, интонационных рисунков, не только в сходстве эпитетов, сравнений и пр., — но также и в сходстве приемов ритмической организации материала: и там и тут стихи образуются с помощью музыки. И „Слово“ и былины — произведения музыкально-вокальные, а не литературные» (2, 281).

Вся статья Заболоцкого подчинена одной главной цели — обосновать правомочность перевода «Слова» силлабо-тоническим стихом. А раз ритмическая организация материала в «Слове» и в былинах сходна, а принцип перевода выводится именно из этой организации, значит, и к переработке (или к переводу) былин на современный литературный язык Заболоцкий подходил, исходя из того же принципа, что и при переводе «Слова». Поэт сформулировал этот принцип следующим образом: «Для совре-

менного переводчика „Слова“, если он ставит перед собой задачу ритмически организовать свой перевод, имеется лишь один путь: разбить текст на стихи произвольно и ритмически организовать текст изнутри, т. е. принять для перевода правильный тонический или силлабо-тонический стих. Этим самым он введет в ткань стиха отсутствующую ныне сопроводительную музыку и приблизит древнюю поэзию к нашему современному ее пониманию» (2, 283).

Таким образом, понятно, почему, завершив поэтическое переложение «Слова о полку Игореве», Заболоцкий обратился к работе над былинами, а не над другими древнерусскими памятниками, в частности теми, о которых шла речь в письме Д. С. Лихачева. Он надеялся использовать в предстоящей работе свой опыт и основные принципы перевода «Слова». Поэт находил общие черты и в образных средствах и в идейно-патриотической направленности этих произведений, а его восхищение «Словом» распространялось и на былины.

С другой стороны, былины как произведения древнерусского крестьянского фольклора имели для Заболоцкого дополнительную привлекательность: в народном творчестве он видел тот идеальный сплав мысли и духовной красоты, к которым стремился в собственных стихах. В стихотворении «Ходоки» он писал:

Есть черта, присущая народу:
Мыслит он не разумом одним, —
Всю свою душевную природу
Наши люди связывают с ним.

Оттого прекрасны наши сказки,
Наши песни, сложенные в лад.
В них и ум и сердце без опаски
На одном наречье говорят.

(1, 280)

Высоко ценя русский народный эпос, Заболоцкий считал абсолютно ненормальной ситуацией, охарактеризованную Н. В. Водовозовым: «Получается совершенно недопустимое положение, когда даже высококультурный читатель в нашей стране, отлично знающий „Илиаду“, „Одиссею“, „Песнь о Роланде“, „Калевалу“ и другие народные эпосы, почти не знает великолепного эпоса русского народа» (цитата приведена в заявке на издание обработки русских былин).

Заболоцкий утвердился в намерении переработать былины, сделал их более близкими для широкого круга читателей XX в. Для выполнения этой работы ему предстояло решить ряд принципиальных вопросов, касающихся характера будущей обработки. Вопросы языка и стиля обработанных былин, как уже говорилось, поэт решал, исходя из своего опыта работы над «Словом». По-видимому, с самого начала для него было ясно, что былины следует излагать современным литературным языком, свободным

от диалектизмов и «вставных словечек», но сохраняющим, однако, народный характер и ни в коей мере не включающим новейшие приобретения литературной речи. Характеризуя работу поэта-переводчика, он всегда подчеркивал необходимость сочетания смелости и чувства меры.

Труднее было решить вопрос о композиционном построении будущего свода былин. Здесь уже нельзя было воспользоваться ни опытом перевода «Слова», ни опытом каких-либо других переводческих работ. Можно предполагать, что Заболоцкий обдумывал два основных варианта: 1) объединение многих былин в единое композиционно и, возможно, сюжетно связанное произведение и 2) отбор по разным источникам вариантов былин, объединенных сходным сюжетом, и создание единой в художественном отношении былины каждого сюжета, с использованием всего наиболее ценного из вариантов.

В первом случае была бы создана большая эпическая поэма, во втором — цикл литературно обработанных былин. Возможен, конечно, и промежуточный вариант: цикл имел бы какой-то объединяющий отдельные былины композиционный стержень.

Заболоцкий считал, что «в свое время наши былины представляли собой ряд художественно целостных произведений» и что «былины записаны собирателями на разных стадиях распада старинного народного творчества». Свою задачу он видел в воссоздании из осколков эпоса, которые сохранились «в многочисленных и часто противоречивых интерпретациях их сюжетов», целостных произведений (или произведения) народного творчества. В этом отношении он был согласен с Водовозовым, который ранее попытался создавать из былин «целостные эпические поэмы».⁵ Однако поэт считал, что былины, адресуемые современной аудитории, требуют более радикального вмешательства: наряду с отбором и упорядочением сюжетов их необходимо сделать и стилистически едиными произведениями.

Имеются свидетельства того, что Заболоцкий стремился к созданию стилистически и композиционно целостного русского эпоса. «Он мечтал о своде былин по типу „Калевалы“, — вспоминал Н. Л. Степанов,⁶ с которым поэт не раз обсуждал свои замыслы. Л. А. Озеров в воспоминаниях о Заболоцком пишет: «Одним из таких планов он поделился со мной:

— Хочу дать свод былин как некую героическую песнь, слитную и связную. Я смотрел профессора Водовозова, знаю и другие попытки. У нас нет еще своего большого эпоса, а он был, как и у многих народов, был, но не сохранился целиком. У других — „Илиада“, „Нибелунги“, „Калевала“. А у нас что?.. Обломки храма. Надо, надо восстановить весь храм».⁷

⁵ Русский народный эпос. Сводный текст. Составил проф. Н. Водовозов. М., 1947.

⁶ Воспоминания о Заболоцком, с. 102.

⁷ Там же, с. 264—265.

В марте 1951 г. Заболоцкий написал «Докладную записку о необходимости мероприятий по составлению „Свода русских былин“» на имя генерального секретаря Союза писателей А. А. Фадеева. Записка эта сохранилась в бумагах поэта с пометкой «не отправлена». В следующем году на основе этой записки он написал и направил в Детгиз заявку на издание обработки русских былин. Оба документа в большей своей части опубликованы в примечаниях к изданиям Заболоцкого.⁸ Суть их заключается в том, что имеющиеся записи былин поэт рассматривал как богатейший, но сырой материал, чрезвычайно ценный для специалистов, но малодоступный рядовому читателю. Предпринимавшиеся попытки еоздания целостных текстов былин (Л. Н. Толстым, Острогорским, Авенариусом и др.) он считал методически неправильными. Поэт представлял себе работу над былинами состоящей из двух этапов: сличение и отбор текстов с целью придания былинам композиционной стройности и затем обработку полученных текстов во имя стилистической цельности произведений. Из сохранившихся авторских документов не следует, что Заболоцкий предлагал объединить все былины в единый свод по типу, например, «Калевалы». В записке 1951 г. он написал: «1. По естественному географическому делению Свод должен состоять из двух циклов: киевского и новгородского. 2. Циклы, группируясь вокруг основных героев, должны со всей возможной полнотой исчерпать богатство киевских и новгородских былин. Однако надобность композиции неминуемо заставит отбросить некоторые третьестепенные сюжеты или приписать некоторые действия другим героям. Смущаться этим не следует». И далее: «Поэты-составители в целях художественного усовершенствования текста не должны бояться творческого вмешательства в текст, если это требуется ходом дела. Здесь, однако, должен быть полностью соблюден такт и обнаружено полное понимание былинного стиля».

В заявке 1952 г. Заболоцкий выражается еще более осторожно: «Наши былины не представляют собой единого композиционно-цельного произведения, хотя многие из них сюжетно связаны между собой. С этим обстоятельством надо считаться. На основе былин можно написать самостоятельное единое произведение, но превратить былины в целостный единый свод нельзя. Былины должны оставаться былинами». Но «каждая в отдельности взятая былина должна быть художественно целостным произведением».

Есть основания предположить, однако, что для себя предлагаемую обработку былин для детей Заболоцкий считал только началом работы, а в дальнейшем все-таки намеревался на основе былин, как он писал, «создать самостоятельное единое произведе-

---

⁸ См.: *Заболоцкий Н. А. Стихотворения и поэмы*. М.; Л., 1965, с. 468—469; 2, 295—296 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

ние». Это предположение согласуется с приведенными свидетельствами Н. Л. Степанова и Л. А. Озерова.

В обоих рассматриваемых документах отобразена также позиция Заболоцкого в отношении стиля и языка обработки былин. В записке он писал: «Поэты обязаны воссоздать тонический былинный стих собственными средствами и не отступая от былинного стиля». В заявке: «Стих должен быть тоническим, былинным, легко читаемым, свободным от вставных словечек» (2, 296). О языке обработки: «Язык должен быть безусловно очищен от диалектизмов. Он должен сохранять свой народный характер во всем его богатстве, должен быть выдержан в былинном стиле и свободен от новейших особенностей литературной речи» (там же).

К началу 50-х г. в своей библиотеке Заболоцкий собрал ряд изданий былин, которые предполагал использовать в своей работе над их текстами. Многочисленные закладки с карандашными пометками и пометки в текстах статей-предисловий говорят о том, что такая работа была уже начата. Вот список изданий былин, собранных в библиотеке поэта:

- 1) «Песни, собранные П. В. Киреевским» (вып. 1, 2, 4, 6, 7, 8, 10), М., 1868—1874;
- 2) «Беломорские былины, записанные А. Марковым» (М., 1901);
- 3) «Печорские былины» (Записал Н. Ончуков; СПб., 1904);
- 4) «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (в 3-х томах, изд. 2-е, под ред. А. Е. Грузинского, М., 1909);
- 5) «Русский фольклор. Эпическая поэзия» (под ред. М. К. Азадовского. Л., 1935. («Библиотека поэта», малая серия));
- 6) А. М. Астахова «Былины Севера», т. 1 (М.; Л., 1938);
- 7) «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». (М., 1938);
- 8) «Русский народный эпос» (Сводный текст; составил Н. В. Водозов» (М., 1947);
- 9) «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом» (в 3-х томах, М.; Л., 1949);
- 10) «Илья Муромец» (подготовка текста А. М. Астаховой, М.; Л., 1958).

Кроме этих изданий, сохранились принадлежащие Заболоцкому книги: А. С. Орлов «Древняя русская литература XI—XVI вв.» (Изд-во АН СССР, М.; Л., 1937, с многочисленными пометками); М. П. Штокмар «Исследования в области русского народного стихосложения» (М., 1952).

Указанные издания не ограничивают круга источников, которыми пользовался Заболоцкий в работе над былинами. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившаяся в архиве поэта страничка с указанием былин для первого опыта по конструированию и переработке былины об исцелении Ильи Муромца (обработка этой былины была приложена Заболоцким к его заявке в Детгиз). Перечислены следующие имена составителей сборников былин с указанием номеров интересующих поэта текстов:

Киреевский, Рыбников, Гильфердинг, Григорьев, Марков, Оичуков, Соколов, Савельев, Астахова.

Заболоцким сделаны следующие замечания:

- «Рыбников: 51 (Пр. К.) Исцеление и Илья и Святогор. Толковый и подробный прозаический текст.
139 (К.) Илья и Соловей. Полуразрушенный, но с интересными подробностями.
190 (Пр.) Совершенно разрушенный.
Гильфердинг: 120 (К) Своеобразная комбинация первых подвигов, малоценная.
Марков: 42, 46 (К). Наиболее полный вариант».

Подобные замечания имеются и на закладках.

На основе выбранных текстов Заболоцким была написана былина «Исцеление Ильи Муромца», дающая определенное представление о том, каким образом он собирался реализовать свой замысел. В бумагах поэта сохранился рукописный черновик этой былины и три машинописных текста с последовательно внесенными исправлениями отдельных слов. Черновая рукопись включает отсутствующий в машинописных текстах рассказ «калик переходжих» о посещении Киева и встрече со Скимен-зверем, который и сообщает им о появлении на Руси нового богатыря:

«Уж вы гой еси, калики переходжие,
Не гулять уж мне, собаке, во темных лесах,
Не укрыться мне, собаке, во синих морях,
Уж не трогать мне, собаке, ваш крестовый град,
Не ходить войной, собаке, на святую Русь,
Диво дивное на свете приключилося,
На земле на Русской чадо народилося.
Хоть сидит на печке чадо ровно тридцать лет,
А как встанет с печи чадо, с ним и сладу нет».⁹

Вероятно, поэт считал, что это отступление о встрече калик со Скимен-зверем нарушает цельность сюжета былины, и из варианта, направленного вместе с «Заявкой» в Детгиз, этот эпизод исключил. В окончательном тексте калики отвечают Илье кратко:

«Уж ты гой еси, Илья свет Иванович!
Про твое про злосчастье нам ведомо,
Про твои про заботы рассказано.
Растяни ты свои крепки жилочки
Да расправь ты свои белы косточки,
Слезь ты с печки долой да притопни ногой,
Перехожих калик пивом-брагой напой!»

(2, 74)

На заявку Заболоцкого об издании обработки былин в начале 1953 г. были написаны отзывы специалистов в области фольклора

⁹ Полностью отрывок о Скимен-звере опубликован: Новый мир, 1974, № 12.

и былинного творчества — Л. И. Тимофеева, А. М. Астаховой и И. П. Дмитракова, М. П. Штокмара, В. И. Чичерова и Н. Н. Велецкой, В. К. Соколовой. Эти отзывы были пересланы Заболоцкому и находятся в его архиве. Все авторы отзывов в целом поддерживали намерение поэта создать цикл обработанных былин с тем, чтобы они стали доступны широкому читателю. В основном были одобрены и принципы обработки. Были сделаны, однако, существенные оговорки и замечания, направленные на ограждение былинного языка и стиля от вмешательства автора обработки. Иногда эти замечания по существу отрицали основной принцип Заболоцкого пересказать былины современным литературным языком, хотя и с сохранением народного духа.

М. П. Штокмар прямо советовал идти не по линии перевода, пересказа или свободного переложения былин на современный литературный язык, а только отобрать подходящие былинные речевые обороты и изобразительные средства. Возражения специалистов-ученых вызвал пробный текст «Исцеление Ильи Муромца». Чувствовалось, что рецензентам не по душе и свободное обращение автора с сюжетом былины, и особенно отступления от канонического былинного языка и размера. Заболоцкому напоминали, что он собирается предложить читателю произведения народно-поэтического творчества, а не собственные стихи, написанные по мотивам былин (отзыв В. И. Чичерова и Н. Н. Велецкой).

Вероятно, известные основания для подобных опасений действительно можно было усмотреть в предложенном образце. Например, вызвавший нарекания иронический эпитет «удалец» по отношению к Илье, тридцать лет неподвижно сидящему на печи, звучит действительно очень по-заболоцкому:

Удалец Илья на печи сидит,
На печи сидит, за избой глядит.

(2, 74)

Однако такие частные замечания можно было легко учесть и внести в текст соответствующие изменения, если бы вся работа получила дальнейшее развитие. Определенная, хотя и незначительная по объему правка текста была проведена Заболоцким после ознакомления с отзывами на его заявку. В частности, он заменил вызвавшую возражение строку «Сорок братьев калик со каликою» (образ из былины «Сорок калик») на нейтральную строку-повтор «Перехожие калики, переброжие» (2, 74), кое-где заменил отдельные слова.

В отзыве Л. И. Тимофеева было предложено создать свод русских былин для детей путем совместной работы поэта, специалиста-фольклориста и педагога. Следует отметить, что ранее в докладной записке Союзу писателей Заболоцкий сам предлагал творческое содружество поэтов и ученых для создания

единого свода былин, однако тут же оговаривался, что это содружество следует оградить, от «той части беспринципной фольклористики, которая уже достаточно доказала свою нежизнеспособность». К мнению ученых-филологов поэт всегда внимательно прислушивался, о чем свидетельствует опыт его работы над «Словом о полку Игореве» и над переводом грузинской классической поэзии. Но он не любил, чтобы это мнение ему навязывали в разрез с его собственными взглядами и творческими замыслами.

Д. С. Лихачев в личном письме к Заболоцкому активно поддерживал намерение поэта переработать былины для детей. Он писал: «Ирина Николаевна Томашевская говорила мне о Вашем новом замысле: дать былины в переработке для детей. От всей души желаю Вам успеха в этом деле. Я искренне люблю былины, народные лирические песни и плачи. В них необыкновенные красоты, но красоты эти часто перемежаются с длиннотами, с бледными местами. Здесь надо выбирать и выбирать, отбрасывать лишнее, иногда соединять из разных мест <...> Итак, желаю Вам полного успеха в Вашем большом, патриотическом замысле. Пусть „Ваши былины“ будут самыми русскими, самыми народными, сохранят в себе всю свежесть полей и папшен Руси, пусть их любят и дети и взрослые. Я уверен, что Вам удастся эта книга».¹⁰

Заболоцкий послал Д. С. Лихачеву свой проект свода былин и, вероятно, просил его порекомендовать подходящего консультанта из числа специалистов, сочувствующих замыслу поэта. В ответ Д. С. Лихачев сообщил о возможных кандидатурах консультантов и, в частности, писал: «В обработке, мне кажется, следует все же кое-что сохранять от народного языка и некоторые диалектные формы, чтобы не утрачен был аромат. Многое ведь в народном языке чудесно. Уверен, что все хорошее Вы и сохраните».¹¹

Весной 1953 г. Заболоцкий еще не оставил своего намерения. Об этом свидетельствует его письмо И. Н. и Б. В. Томашевским, написанное перед отъездом в Крым в апреле: «Что касается работы, то пока будем отдыхать, а осенью возьмемся за былины».

Однако осенью он за былины не взялся, а в ноябре принялся за большую работу по переводу полного текста поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Трудно сейчас судить, что именно побудило его оставить так долго вынашиваемый замысел и фактически уже начатое дело. Прерывать начатую работу, вообще говоря, претило характеру Заболоцкого. Вероятно, предложенные условия работы оказались для него неприемлемыми, а работать над былинами без договора с издательством у него не было возможности.

---

¹⁰ Письмо Д. С. Лихачева к Н. А. Заболоцкому от 24 01 1953 г. Архив семьи поэта.

¹¹ Письмо Д. С. Лихачева к Н. А. Заболоцкому от 11 02 1953 г. Архив семьи поэта.

К русскому народному эпосу он так и не вернулся, хотя, кажется, и лелеял еще такую надежду. Однако его настрой на эпическую поэзию все-таки реализовался не только в прекрасном полном переводе поэмы Шота Руставели, но и в работе поэта в последний год его жизни над переводом значительной части сербского эпоса — он перевел около пяти тысяч стихотворных строк. Намеревался он перевести на русский язык и эпос немецкого народа «Нибелунги» (сохранилось несколько вариантов перевода первой строфы). Смерть в 1958 г. помешала ему выполнить эту работу.